

jessie chaffee

*Florence
in
ecstasy*

джесси чеффи

Восторг,
моя
Лоренцья!

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-55

Jessie Chaffee
FLORENCE IN ECSTASY

Copyright © by Jessie Chaffee 2017

Перевод с английского А. Андреева
Художественное оформление А. Дурасова

Чэффи, Джесси.

Ч-55 Восторг, моя Флоренция! / Джесси Чэффи; [пер. с англ. А. Андреева]. – Москва : Эксмо, 2018. – 384 с.

ISBN 978-5-04-098617-0

Ханна отправилась во Флоренцию без определенного плана, понимая лишь пару слов по-итальянски и не зная там ни души. Из-за многочисленных диет она подорвала свое здоровье, в том числе душевное, и теперь надеется вернуться к прежней жизни и поверить в собственную красоту именно здесь, в городе, насыщенном красотой вечной и неоспоримой. Ее ждут взлеты и падения, уютные перулки и ароматы местной кухни, роман с итальянским красавцем, а также необычное расследование в одной из старинных частных библиотек...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-098617-0

© Андреев А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Ее переполнила любовь, и она почувствовала
невероятное насыщение, которое,
несмотря на то, что она его ощущала, смешивалось
с чувством невообразимого голода.*

Анджела из Фолиньо,
«Книга Анджелы да Фолиньо»

*Вам кажется, что аккуратно подстриженная
и причесанная вещь, которую вам показывают,
и является правдой. Однако это все, что угодно,
но только не правда. Правда – это что-то невероятное,
правда – фантастика. Правду можно увидеть в том,
что кажется кривым зеркалом.*

Джин Рис,
из романа «Доброе утро, полночь»

Пролог

Э то утро ничем не отличается от всех остальных, что я провела во Флоренции за последний месяц. Слишком часто я рано просыпаюсь. Каждый раз открываю глаза и вижу предрассветное небо, слышу писк комаров, а также звуки открывающихся и закрывающихся ставен на окнах. Нередко мне снятся кошмары, в которых слышу громкие звуки хлопающих дверей и чувствую порывы сильного ветра. Мне кажется, что во сне я слышу, как чьи-то изможденные тела бросает на расшатанные ставни. Каждое утро я открываю глаза и на фоне фиолетового неба вижу здания вокруг палаццо Веккьо¹. За время, проведенное здесь, я уже привыкла к виду из окна. Сейчас я живу в пустой квартире, которую сняла. Этим утром я зажгла спираль против комаров с запахом цитронеллы и подошла к окну. В переулке последний клиент находившегося внизу бара надел на голову пурпурный шлем, сел на мопед и выехал на улицу Маленчини. Звук мотора мопеда постепенно исчез. Мимо моего окна стремительно, словно брошенные невидимой

---

¹ Старый дворец, здание во Флоренции, на площади Синьории, построенное в 1299–1314 гг., одно из наиболее известных строений города (*прим. пер.*).

рукой дротики для игры в дартс, стали носиться птицы. Раннее утро для птиц — это время кормежки.

Утром, как и во все остальные дни, я жду восхода. Первые лучи солнца освещают город, который до этого был окутан мраком. Я вижу уже не просто серое пространство, а черепичные крыши, водосточные трубы, беленые стены, брусчатку на мостовой и отражение солнца в окнах. Свет рисует картину города. Когда я вижу все это, то по-настоящему чувствую себя живой. В такие мгновения я не чувствую себя одинокой, я ощущаю, что город со мной. Но потом, когда солнце поднимается выше, то узоры света и тени блекнут, и я понимаю, что впереди у меня длинный день. Что-то незримо меняется.

Я иду в ванную, снимаю майку и пижамные штаны и отодвигаю от стены оранжевые весы. Весы движутся по синей плитке и, попадая в пазы между ними, издают звук, похожий на стук вагона на стыках пути. Я проверяю, чтобы стрелка весов стояла ровно на нуле. Я никогда не жульничаю. Становлюсь на весы и смотрю, как стрелка сначала бешено мечется из стороны в сторону, а потом останавливается. «Хорошо», — произношу я вслух и провожу ладонью по лицу, вниз по руке и животу. «Хорошо», — повторяю я голосом, в котором слышится чуть больше решимости, чем необходимо, смотрю на свое отражение в зеркале и пытаюсь убедить его в том, что все именно так и обстоит. Я одеваюсь, завязываю в хвостик свои темные волосы, привожу себя в порядок и поднимаюсь на кухню, думая: «Сегодня все будет совсем по-другому».

Я открываю высокую дверь с жалюзи из деревянных реек и выхожу на небольшой балкон. Пол балкона по-

катый в сторону улицы, так что кажется, что я могу соскользнуть с него вниз во двор. Балкон — это одна из причин, по которой я сняла эту квартиру, несмотря на то что почувствовала в животе сосущую пустоту, когда хозяйка назвала мне цену. Женщина увидела ужас на моем лице и показала мне другую квартиру, гораздо меньшего размера, сказав хриплым голосом на итальянском: «Эта гораздо дешевле», но я просто не смогла, не смогла. Мне нужен свет. «Нет, — сказала я ей. — Нужна другая, светлая». Хозяйка окинула меня скептическим взглядом и повторила: «Дорого, дорого, дорого». — «Не страшно, — соврала я. — Мне нужен свет, свет, свет». Теперь, когда я спускаюсь вниз и вижу хозяйку, она смотрит на меня странным взглядом.

Конец августа. Вот уже несколько недель окна квартир в здании напротив оставались темными и пустыми, за исключением одного, в котором этажом ниже моего я наблюдала старую женщину, сидевшую весь день, положив руку на подоконник. Иногда эта женщина готовит соус, запах которого поднимается вверх к черепичной крыше и который я отчетливо чувствую. Но сегодня утром этой женщины не было видно пока что. Все итальянцы уехали из города на побережье. По всему городу на дверях магазинов я вижу объявления со словами: *Chiuso per ferie fino al 1 Settembre*. Эти объявления написаны от руки небрежным почерком, словно должны сообщать о том, что продавщица ушла всего на пять минут, хотя на самом деле сообщают о том, что магазин начнет работать первого сентября. В городе много туристов, которые толпятся на площади перед кафедральным собором Дуомо, он же собор Санта Марии

дель Фьоре¹, с самого раннего утра занимают очередь в галерею Уффици, торгуются на Центральном рынке, кричат водителям автобусов, чтобы те остановились и их подождали, и вообще ни на кого не обращают внимания, идут с мороженым, которое течет им на ладони, а по вечерам слушают, как итальянские музгруппы исполняют на площадях каверы Beatles. Все это безумное шараханье туристов по городу повторяется день ото дня, ночь от ночи. Все туристы смотрят только вверх, всегда вверх. Они смотрят на фрески на потолках церквей, на ряды мадонн в музеях, на огромную голову, руки и ноги Давида, на стоящих, как истуканы, на улицах города загримированных мимов, которые делают движение только тогда, когда слышат звук упавшей в стакан монетки, на здания, украшенные по углам скульптурами летящих ангелов.

Я, собственно говоря, мало отличаюсь от этих туристов. Каждый раз, когда я вечером прохожу по площади Синьории², то поднимаю голову и смотрю на золотого льва, украшающего крышу палаццо Веккьо, задерживаю взгляд на Нептуне в фонтане перед зданием, оглядываю подсвеченные снизу изгибающиеся скульптуры в нишах по углам здания, смотрю на скульптуру сабинянки, извивающейся в руках своего похитителя, внимательно рассматриваю ее от постамента до кончика указывающего на небо пальца. «Во всем этом есть что-то большее», — думаю я.

---

¹ Кафедральный собор во Флоренции, самое знаменитое из архитектурных сооружений флорентийского кватроченто. Находится в самом центре города, на соборной площади (*прим. пер.*).

² L-образная площадь перед дворцом палаццо Веккьо во Флоренции (*прим. пер.*).

Глава 1

— *Signorina*.

Синьора Роза. Какое благозвучное и нежное имя. Она наверняка чья-то бабушка. Высокая, с нимбом седых волос. Внешний вид обманчив, и, видимо, исключительно по ее внешнему виду я сделала предположение о том, что она будет со мной мягкой. Но у нее оказались сплошные острые углы. Как только я закрыла дверь квартиры, она появилась внизу и искоса посмотрела на меня. Что она хочет? Скоро сентябрь. Следующий месяц. «Только наличными», — сказала хозяйка, когда сдавала мне эту самую дорогую квартиру. Только наличные, перед началом следующего месяца.

— *Signorina*, — повторяет хозяйка хриплым голосом. На самом деле обращение *Signorina* предназначено для девушек, которые гораздо младше меня, и даже для девочек. Мне хотелось бы поставить ее на место, сказать, что я обязательно ей заплачу, но я не в состоянии найти слова, чтобы сказать это по-итальянски. Поэтому только и произнесла: «Да, да, извините, минутку» — и направилась в банк снимать деньги, которые тают, как весенний снег. Я дотяну до сентября, но потом деньги закончатся. Однако после того, как на широкой лестничной

площадке первого этажа я передала ей купюры, то почувствовала себя совершенно свободной.

Каждое утро я гуляю, снова и снова обхожу кости Флоренции, бреду по уже знакомому маршруту сквозь толпы гостей города, которые совершенно не обращают на меня внимания, — группы туристов, семьи, студенты, приехавшие сюда на летние каникулы. Они не знают, кто я и откуда. Сегодня я гуляла до тех пор, пока мне не показалось, что кожа на ступнях вот-вот загорится, а сами ноги начали подкашиваться. Меня едва не тошнило от запаха мусора, который навален здесь на каждом углу. Когда я добралась до места, где всегда заканчивала свои прогулки — на каменной набережной реки Арно в центре города, — голова ужасно кружилась и все мысли куда-то улетучились. Я облокотилась на парапет и почувствовала исходящее от камня тепло. Вокруг меня толпились туристы, снимающие на свои фотоаппараты мост Понте-Веккьо. Все они делали практически один и тот же снимок.

В тени моста на узкой набережной расположена территория гребного клуба. Даже в такое жаркое время дня гребцы отчаливают от набережной, и их лодки пересекают тихие воды Арно. Я уже много раз с этого самого места наблюдала за тем, как молодые гребцы-итальянцы выносят из здания клуба байдарки для академической гребли. В движениях этих мужчин есть что-то успокаивающее, они несут свои лодки, словно гроб, и аккуратно спускают их на воду.

Но сегодня я совершенно неожиданно увидела не гребцов-мужчин, а женщину, которая вынесла на плече свою байдарку. Весла она держала другой рукой, прижав их к бедру. Кроме женщины, на пирсе около клу-

ба больше никого не было. Выглядела она совершенно спокойной. Я внимательно наблюдала за тем, как она бережно водрузила деревянную байдарку на воду, потом вставила в ключины одно весло, затем другое. Она подняла голову и посмотрела вверх и вниз по течению реки. На воде еще не было ни одного гребца. Придерживаясь одной рукой за край пирса, женщина осторожно села в лодку, грациозным движением оттолкнулась от пристани, поправила весла и сильными, целенаправленными гребками начала плыть в сторону ближайшего моста. Казалось, что эта женщина жила в каком-то своем, отдельном от нашего, мире. Казалось, что она была так далеко от давки и толпы, в которой стояла я, далеко от запахов и звуков, окружавших меня. Я следила за ней взглядом до тех пор, пока она, словно превратившись в одно единое целое со своей байдаркой, олицетворением спокойствия и уверенности не исчезла из вида.

В одном из зданий на шумной и оживленной улице, на которой я стояла, была зеленая дверь, которую я уже неоднократно видела. Рядом с дверью на стене висела небольшая табличка со словами: «Гребной клуб Флоренции».

Сейчас эта дверь частично была закрыта от моего взгляда тележкой уличного торговца, на которой, словно лианы, висели ремни для штанов. Справа от двери начинался просторный двор перед входом в галерею Уффици, зеленая дверь входа в клуб расположена чуть левее.

«Сегодня все будет по-другому», — подумала я, сделала резкий вдох и начала пробираться сквозь толпу тел на другую сторону улицы. Я не успела дойти до двери, как она открылась, выпуская наружу поток прохладного

воздуха, и на улице появилась группа подростков со словами: «разрешите, простите, позвольте». За подростками я увидела высокого мужчину с темными, зачесанными назад волосами.

— Осторожнее, ребята, — крикнул он на итальянском вслед удаляющимся с громкими возгласами подросткам.

— *Простите*, — обратился мужчина ко мне, придерживая рукой дверь. Я заметила, как вокруг его глаз появились морщины и щеки поднялись вверх, чтобы освободить место широкой улыбке. Его улыбка ласкала меня.

— Вы куда? — спросил меня мужчина.

Я покраснела после долгой прогулки, вспотела и чувствовала, как платье прилипло к телу. Я попыталась всмотреться в темноту за его спиной.

— Скажите мне, — произнес мужчина. Ну что я ему могла сказать?

— *Это гребной клуб Флоренции?* — спросила я. Мои слова прозвучали так приглушенно, словно мне трудно было говорить.

— *Да, да. А что вы хотели?* — Мужчина показал мне жестом на дверь, приглашая войти.

— *Я бы хотела...* — Я выставила вперед руки. Это оказалось неправильным ходом, потому что я тут же почувствовала запах своего собственного пота. Это был кислый и едкий запах, словно я больна. Так пах мой пот последние несколько месяцев. Не знаю, что во мне изменилось за это время — то ли усилилось обоняние, то ли мой пот действительно стал такой ужасный.

— ...вступить в члены, — наконец объяснила я ему по-английски и прижала руки к телу. Мой итальянский весьма ограниченный.

— Хорошо, — ответил мужчина на итальянском, усмехнулся и толкнул дверь, чтобы шире ее открыть. — Тогда вам надо поговорить со Стефано.

— Спасибо, — проямлила я и быстро прошла в темную прихожую.

— Конечно. До свидания, синьора.

Я услышала его смех. Потом раздался звук закрывающейся двери, вместе с которым стало темнее и не так жарко. Звук мужского смеха тоже исчез.

Я спустилась на несколько ступенек вниз, и мои глаза постепенно привыкли к темноте. Я оказалась в офисе, тут я увидела еще одну дверь и открыла ее. В следующей комнате никого не было. Мне здесь нечего делать, и надо было идти обратно. Но тут я услышала издали звуки, которые вполне можно было назвать человеческими. Ага, Стефано. Я держалась за это имя, как за ниточку, и продолжила идти вперед, сквозь дверь и вниз по лестнице. Я шла по узкому коридору, пока не дошла до низкой двери в каменной стене, для прохода через которую пришлось наклониться. Я вошла в комнату, и в нос тут же ударил запах кофе и пота. Я заметила небольшой бар, столики, а еще дальше дневной свет. Пожилой мужчина, одетый в трико для гребли, поднял от газеты на меня глаза и сощурился, как рассерженный гном. На мгновение мне показалось, что, как водится среди гномов в сказках, он должен загадать мне загадку, но мужчина только громко встряхнул газетой и снова опустил в нее глаза.

За стойкой бара стоял мужчина с седыми усами и наливал в бокал ярко-розовый сок. Он внимательно за мной наблюдал.

— День добрый, — произнес он. — *Американка?*